

О. Б. Кафанова

ТУРГЕНЕВ — ИНТЕРПРЕТАТОР И ПЕРЕВОДЧИК ГОГОЛЯ

Среди многочисленных трудов Тургенева-переводчика его переводы повестей Н. В. Гоголя относятся к самым ранним опытам. Замысел переводов из Гоголя возник во время второго приезда Полины Виардо на гастроли в Петербург в сезон 1844/1845 года, в сопровождении мужа — человека, который занимает видное место в истории французской культуры.

Луи Виардо, юрист по образованию, был известным журналистом и писателем. В 1820-е — 1830-е годы он сотрудничал в таких газетах и журналах, как «Globe», «National», «Siècle», «Revue des Deux Mondes». Вместе с Жорж Санд в 1840-е годы он издавал журнал «Revue indépendante». Его перу принадлежат «Histoire des Arabes et des Mores d'Espagne» («История испанских арабов и мавров», 1833), «Etudes sur l'histoire des institutions, de la littérature, du théâtre et des beaux-arts en Espagne» («Очерк истории учебных заведений, литературы, театра и изящных искусств в Испании», 1835), «Notices sur les principaux peintres de l'Espagne» («Заметки о главных художниках Испании», 1839), «Musées d'Italie» («Музеи Италии», 1842), «Espagne et beaux-arts» («Испания и изящные искусства», 1866), «Les Merveilles de la peinture» («Шедевры живописи», 1868–1869), «Les Merveilles de la sculpture» («Шедевры скульптуры», 1869) и другие сочинения.¹ Вместе с тем Виардо перевел на фран-

---

¹ Виардо-Гарсиа // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. СПб., 1903. Т. 5. С. 175. См. также: *Escalier E.* Hispanistes français érudits de 1830 à 1875 (de Viardot à Th. De Puymaigre) // *Mémoire dactylo-*

цузский язык «Дон-Кихота» Сервантеса (1836–1837), а в 1845 году выпустил сборник повестей Гоголя под названием: «Nicolas Gogol. Nouvelles russes. Traduction française. Publiée par Louis Viardot» («Николай Гоголь. Русские повести. Французский перевод. Изданный Луи Виардо»). Примечательно, что себе Виардо отвел роль публикатора, а в предисловии признавался: «Мне остается лишь объяснить, как, не зная ни слова по-русски, я издаю перевод русской книги. Выполненная в Санкт-Петербурге, работа эта принадлежит мне в меньшей степени, нежели двум моим друзьям, гг. И. Т., молодому писателю, уже известному как поэт и критик, и С. Г., который подготавливает, наряду с более легкими сочинениями, „Историю славянских племен“».²

Под инициалами И. Т. подразумевался Иван Тургенев, а под С. Г. — Степан Гедеонов, сын директора императорских театров, историк и драматург. Можно предположить возникновение и осуществление замысла переводов Тургенева следующим образом. Блистательные гастроли П. Виардо в Петербурге привели в ее дом несколько наиболее настойчивых поклонников, среди которых двоим — Гедеонову и Тургеневу — удалось стать друзьями дома и сблизиться с Луи Виардо. Однако если сотрудничество Гедеонова с мужем прославленной певицы оказалось кратковременным, то Тургенев стал до конца жизни близким другом Луи Виардо, причем эта дружба подкреплялась и совместной литературной деятельностью.³

---

graphié. Paris, 1961. P. 94–219; Zviguilsky A. Louis Viardot. Actes de la Table Ronde sur Louis Viardot // *Cahiers*. N 8 (1984). P. 5–14.

² *Gogol Nicolas. Nouvelles russes. Traduction française. Publiée par Louis Viardot.* Paris, 1845. P. VI–VII. Перевод Л. Р. Ланского цит. по: *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 273.

³ Вопрос о степени участия Луи Виардо и Тургенева в подготовке первых переводов Гоголя на французский язык был подробно рассмотрен М. П. Алексеевым еще в 1954 г. в статье «Мировое значение Гоголя» (перепечатано в кн.: *Алексеев М. П.* Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 175–206). М. П. Алексеев считал, что «на самом деле идея этого издания, выбор текстов и самый перевод принадлежали И. С. Тургеневу», как и предисловие к книге, продиктованное Тургеневым Л. Виардо (Там же. С. 181). Особое внимание уделил ученый роли Белинского в замысле этого издания. См. также: *Cadot M.* 1) Un problème de collaboration littéraire. I. S. Tourguéniev et Louis Viardot // Actes du V-e Congrès de l'Association Internationale de la littérature comparée (Belgrad, 1967). Amsterdam, 1969. P. 603–608; 2) Le rôle de Tourguéniev et de Louis Viardot dans la diffusion de la littérature russe en France // *Cahiers*. N 5 (1981). P. 51. О полемике по поводу участия Л. Виардо в переводе Гоголя см.: *Генералова Н. П.* О первых переводах произведений Н. В. Гоголя во Франции (И. С. Тургенев, Луи Виардо и «Nouvelles russes de Nicolas Gogol») // Н. В. Гоголь: Загадка третьего тысячелетия. Первые Гоголевские чтения. Сб. док-

О том, каким образом осуществлялся перевод повестей Гоголя, Л. Виардо поведал сам в предисловии к изданию Гоголя: «Они любезно согласились продиктовать мне по-французски подлинный текст. Я же только слегка выправил слова и фразы; и если стиль принадлежит отчасти мне, то смысл — им одним. Я могу поэтому обещать, во всяком случае, совершенную точность». По признанию Виардо, они (то есть он и его русские помощники) следовали правилу, предписываемому переводчикам Сервантесом: «Ничего не прибавлять и ничего не убавлять».⁴ Этот принцип знаменовал отказ от принятого во Франции на протяжении XVIII — начала XIX веков того типа перевода, который справедливо именуется «склонением на наши нравы». Виардо пояснил и свой принцип отбора: он выбрал произведения, отличавшиеся «более общим характером, который позволил бы лучше передать их на чужой язык и понять в чужой стране».⁵

В этот первый сборник было включено пять повестей: «Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики» и «Вий». Их «общий характер» состоял, по-видимому, в том, что «Тарас Бульба» «перекликался» с легендами о древних европейских героях, а старосветские помещики могли напомнить Филемона и Бавкиду, благочестивую супружескую чету из греческой мифологии. Мистика «Вия» во многом восходила к фольклору с его «бродячими сюжетами». Безумие могло восприниматься как болезнь, которая способна поразить человека любой национальности. И, наконец, «Коляска» строилась на анекдотичной сюжетной основе, не чуждой для многих культур. Таким образом, повести Гоголя, вошедшие в первый сборник, объединялись идеей близости тому, что должно было быть понятно и доступно французскому читателю. Правда, Виардо сразу отметил в предисловии «оригинальную манеру» Гоголя, «живописную» и «немного грубую и дикую, как нравы и страна, которые он верно воссоздает».⁶

Из переписки Луи Виардо и Тургенева доподлинно известно, что Тургенев перевел две повести — «Вий» и «Коляска». Скорее всего, он принимал непосредственное участие и в переводе трех других повес-

---

ладов / Под ред. В. П. Викуловой. М., 2002. С. 155–164. Здесь же приведены выдержки из неопубликованных писем Л. Виардо к Тургеневу (вошедших затем в изданную А. Звигильским в 2010 г. переписку Тургенева и Луи Виардо), подтверждающие точку зрения М. П. Алексева.

⁴ *Gogol Nicolas. Nouvelles russes. P. VII.*

⁵ *Ibid. P. VI.* Перевод Л. Р. Ланского цит. по: *ЛН. Т. 73. Кн. 1. С. 273.*

⁶ *Gogol Nicolas. Nouvelles russes. P. VI.*

тей, в том числе «Тараса Бульбы», однако необходимо провести стилистический анализ всех переводных текстов с целью установления сходства в приемах и лексико-синтаксической избирательности. В письме, датированном 18 февраля (2 марта) 1845 года и запечатлевшем через неправильную орфографию насмешку над французским произношением русских, Луи Виардо пишет: «*Potêtre finirons-nous ce soir Tarass Boulba; n'oubliez pas la Calèche, vi prego*» («Возможно, мы закончим сегодня вечером „Тараса Бульбу“; не забудьте про „Коляску“, *vi prego* <я Вас прошу — *исп.*>»).⁷ Из этого письма Н. Г. Жекулин делает два вывода. Во-первых, исследователь полагает, что перевод «Коляски» в виде исключения не был продиктован, но сразу написан Тургеневым, тем более что о методе работы над переводом «Вия» говорится в другом письме Л. Виардо, от 1 (13) марта 1845 года: «...я царапаю для Вас это письмецо с той же спешкой, какую прилагал бы, чтобы записать Вашу диктовку о похождениях философа Фомы Брута <...>». ⁸ Н. Г. Жекулин полагает также, что сама мысль перевода произведений Гоголя на французский язык исходила не от Тургенева, поскольку первая повесть, помещенная в сборнике («Тарас Бульба»), подготавливалась в его отсутствие.⁹

Эти выводы вызывают цепочку размышлений или даже возражений. О характере совместной работы Тургенева и Виардо оставили свое свидетельство некоторые деятели русской культуры. Например, Ф. В. Булгарин довольно иронично описал, как Тургенев готовил переводы (или подстрочник к ним) для Л. Виардо: «Недавно еще, в текущем году, говорил я в „Северной пчеле“ („Всякая всячина“, № 22 „Сев<ерной> пчелы“), что у нас есть люди, которые ловят каждого заезжего к нам чужеземного литератора, чтоб внушить ему свои понятия о русской литературе и русских литераторах, т. е. похвальное мнение о своих собственных и приятелей своих сочинениях и дурное о своих противниках и критиках. Таким образом уловили г-на Мармье и других; точно так же поймали и г. Виардо, уверили его, что первый писатель в России, из всех бывших и будущих, есть г. Гоголь, и пригласили *перевесть* его сочинения. Но как же переводить, когда г. Виардо, как мне весьма хорошо известно, не

---

⁷ Correspondance Ivan Tourguéniev — Louis Viardot. Sous la sceau de la fraternité / Texte édité, préfacé et annoté par Alexandre Zviguilsky // *Cahiers*. N 24 (2000). P. 45.

⁸ Ibid. P. 48.

⁹ Благодарю Н. Г. Жекулина за предоставленную возможность ознакомиться с материалами готовящегося им совместно с сотрудниками ИРЛИ РАН электронного издания переводов Тургенева.

знает трех слов по-русски? К нему отрядили одного из гениев *новой, натуральной школы*, знающего французский язык (т. е. французские слова), и он стал надстрочно переводить для г. Виардо сочинения г. Гоголя, а г. Виардо долженствовал сообщить этому переводу слог и свойства французского языка, как говорится, *офранцузить* чужеземное слово. Встречая часто у г. Виардо этого гения *новой, натуральной школы* за бумагами, я однажды не мог вытерпеть, чтоб не изъявить моего удивления, и тогда г. Виардо сознался мне, что этот гений переводит для него сочинения г. Гоголя, с которыми он намерен познакомить Европу». ¹⁰

Если абстрагироваться от язвительного тона и тяжеловесного стиля Булгарина, то его слова приобретают значение важного и достоверного свидетельства, проясняющего метод работы над переводом. Здесь речь идет явно не о диктовке, а о записанном тексте. Тогда весь процесс можно представить следующим образом: Тургенев готовил подстрочник, а Виардо его редактировал, снабжая комментариями, необходимыми, по его мнению, для французского читателя. Но вместе с тем возникают вопросы, на которые, по-видимому, нет определенного ответа. Может быть, способ диктовки и непосредственного совместного перевода был более характерен для сотрудничества Виардо со С. А. Гедеоновым, чем для сотрудничества Виардо и Тургенева? Или же сама по себе работа под «диктовку» не исключала подготовки подстрочника?

С другой стороны, несомненно, именно Тургеневу принадлежали все рассуждения о Гоголе и о его значении для русской литературы, высказанные в предисловии к сборнику. При этом, конечно, все эти суждения несут печать непосредственного влияния идей В. Г. Белинского и всего его кружка, на что в свое время справедливо указывал академик М. П. Алексеев. В краткой статье, предпосланной сборнику переводов 1845 года, говорилось, что «после смерти поэтов Пушкина и Лермонтова, погибших в расцвете жизни в результате роковых дуэлей, именно Гоголю отводят место в первом ряду русских писателей». ¹¹

С еще большим основанием можно предположить, что Тургенев явился автором предисловия ко второму французскому сборнику повестей Гоголя, который Л. Виардо переиздал в 1853 году под другим названием, но также только со своим именем на обложке: «*Nouvelles choisies de Nicolas Gogol. Traduites du russe par Louis Viardot*» («Избранные повести Николая Гоголя. Переведены с русского Луи Виардо»). Это

---

¹⁰ Северная пчела. 1846. 12 марта. № 57. С. 226. Ср.: *Белинский В. Г.* Литературные и журнальные заметки // *Белинский*. Т. 9. С. 610

¹¹ *Gogol Nicolas. Nouvelles russes*. P. V.

издание вышло уже после смерти Гоголя, которую Тургенев глубоко переживал. Очевидны явные переключки между его мыслями о Гоголе в письме к Полине Виардо, написанном под впечатлением этой трагедии, и характеристикой русского писателя в предисловии к изданию 1853 года.

В письме от 21 февраля (4 марта) — 4 (16) марта 1852 года Тургенев сообщал Полине Виардо: «Нас постигло великое несчастье: Гоголь умер в Москве, умер, предав все сожжению, все — 2-й том „Мертвых душ“, множество оконченных и начатых вещей, — одним словом, все! Вам трудно оценить всю огромность этой столь жестокой, столь невосполнимой утраты. Нет русского, сердце которого не обливалось бы кровью в эту минуту. Для нас он был не просто писатель: он нам открыл нас самих <...> Самые пронизательные и умные из иностранцев, как, например, Мериме, видели в Гоголе только юмориста английского типа, его историческое значение совершенно ускользнуло от них. Повторяю, надо быть русским, чтобы понимать, кого мы лишились! <...> Похороны его вызвали поистине всеобщую скорбь. Гроб не дали водрузить на катафалк, толпа несла его на руках до самого кладбища, расположенного в 6 верстах от церкви. Представьте себе, здешняя цензура запрещает уже самое упоминание его имени!!!».¹²

Без сомнения, и сам Л. Виардо к этому времени более основательно познакомился с русской литературой. Если в 1845 году он объяснял, как читается фамилия *Гоголь* («произнесите *Гогль*, немного смягчив *л*»¹³), то в новом, гораздо более обстоятельном предисловии были даны биографические сведения и обзор творчества русского писателя. Но не менее очевидно, что либо он воспользовался мыслями, высказанными Тургеневым в письме к его жене, либо, что гораздо более вероятно, предложил русскому приятелю написать основную часть предисловия. Данная в нем характеристика своеобразия творческого метода Гоголя была точным воспроизведением и развитием тургеневских суждений. «Мы впали бы в серьезную ошибку и отняли бы у Гоголя его истинное значение, — говорилось в предисловии, — <...> если бы ограничились тем, что причислили его к писателям-фантастам, юмористам, наподобие Свифта или Стерна. Это означало бы видеть только одну сторону его таланта, наименее значительную, и заниматься только формой его сочинений; это означало бы в особенности не понимать его высокого

---

¹² ПССУП(2). Письма. Т. 2. С. 386–387. Подлинник по-франц.

¹³ *Gogol Nicolas*. Nouvelles russes. P. V.

исторического значения. Николай Гоголь такой великий художник нравов, что русские говорят о нем: „Он нам показал нас самих“». ¹⁴

Эти текстуальные совпадения свидетельствуют о том, что Тургенев, глубоко почитавший Гоголя, скорее всего был не только вдохновителем самой идеи второго издания перевода его произведений на французский язык как дани памяти ушедшего писателя, но и автором не учтенного ни в одном собрании сочинений предисловия к изданию «Nouvelles choisies de Nicolas Gogol». В отборе произведений, демонстрирующих разнообразие поэтики — от исторического эпоса до мистического и гротескно-сатирического повествования, также чувствовался вкус знатока и художника. Это тем более очевидно, что тургенеvedы давно убедительно связывают авторство статьи о русской литературе, вышедшей во Франции в июле 1845 года в газете «Illustration» и как бы предварявшей появление переводов из Гоголя, именно с Тургеневым. В статье отмечалась самобытность Гоголя как представителя Малороссии, а также присущий ему «неистощимый комический дар» и талант аналитика. «...Он обладает, — говорилось в статье, — своеобразным юмором, свойственным ему одному и отмеченным тем отпечатком глубокой грусти, которую всегда найдешь на дне славянской души. В русской жизни для него нет тайн; все классы общества поочередно подвергаются его беспощадному анализу <...>. Что касается его описаний русской природы, то они изумительно верны и поэтичны. И наконец, Гоголь произвел полный переворот в литературе своего отечества».

Далее Тургенев пояснял, в чем состоял этот переворот, подчеркивая своеобразие реалистического метода Гоголя: «Сознательный отказ от всякой высокопарности, от всякого литературного шарлатанства, широкая и спокойная манера воспроизведения современного состояния России, умение говорить о положительных сторонах без энтузиазма и о дурных — без негодования, величайшая способность создавать типы, искусство вдыхать жизнь во все описания вещей и людей, — эти разнообразные, но родственные качества обусловили поразительное влияние Гоголя и поставили его на первое место среди современных писателей».¹⁵

Таким образом, если резюмировать весь процесс работы над переводами Виардо–Тургенева–Гедеонова, то можно выделить ряд этапов.

Прежде всего, еще до издания повестей Гоголя на французском языке Виардо организует 19 июля 1845 публикацию в популярной газете

---

¹⁴ Nouvelles choisies de Nicolas Gogol. Traduites du russe par Louis Viardot. Paris, 1853. P. IV–V.

¹⁵ ПССУП(2). Соч. Т. 12. С. 515. Подлинник по-франц.

«Illustration» (N 125. P. 350–351) статьи «De la littérature russe contemporaine. Pouchkine. — Lermontof. — Gogol». В настоящее время можно считать доказанным, что ее автором является Тургенев. Завершалась статья анонсом готовящихся переводов. Французскому читателю предлагалось проверить мнение русских «о самом народном из их писателей». Одновременно автор апеллировал к читательскому любопытству: «Кроме духовного наслаждения, доставляемого каждым прекрасным произведением искусства, они также найдут у него самые верные представления, какие можно получить о чужом народе, не покидая своей страны».¹⁶

Вторым этапом явилась работа Виардо, который с помощью русских посредников редактирует одну за другой переводные повести и последовательно публикует их в журналах. В октябре в «Illustration» появилась повесть «Un Ménage d'autrefois» («Старосветские помещики») в номерах 136 и 137 (4 и 11 октября 1845) и «Les Mémoires d'un Fou» («Записки сумасшедшего») в номерах 138 и 139 (18 и 25 октября). Затем в «Journal des Débats» в декабре 1845 года (N 16) появляется повесть «Вий» («Le Roi des Gnomes»), а в самом конце 1845 года выходит сборник из пяти повестей Гоголя. Любопытно, что две повести — «Тарас Бульба» и «Колыска» не прошли этой предварительной журнальной апробации.

Наконец, на заключительном этапе — в январе 1846 года — по-видимому, сам Виардо подготавливает анонс о выходе тома переводных повестей Гоголя для «Illustration». Там, в частности, говорилось: «Г-н Виардо неутомимый путешественник. Из своих поездок он всегда привозит интересные очерки (исследования), иногда о политике и литературе, иногда об искусстве».¹⁷ Следует отметить, что первый анонс о готовящемся выходе повестей Гоголя был помещен в «Illustration» еще раньше, он содержался в самой статье о современной русской литературе, а также в примечании от редакции, сопровождавшем публикацию второй части «Старосветских помещиков». Между прочим там говорилось: «Сборник г. Гоголя имеет еще одно достоинство, помимо достоинства стиля и композиции, — он дает возможность читателю ознакомиться с нравами его родины и показывает нам Россию, как Вальтер Скотт показал нам старую Шотландию, а Купер — остатки диких и воинственных народов Северной Америки».¹⁸

---

¹⁶ Там же.

¹⁷ Bulletin bibliographique // Illustration. 1846. 24 janvier. N 152. P. 334.

¹⁸ См.: ЛН. Т. 73. Кн. 1. С. 272. По мнению Л. Р. Ланского, это примечание к переводу принадлежит самому Л. Виардо.

Сейчас мы назвали бы эту стратегию действий продуманной пиар-кампанией. Ее удача подтверждается появлением сочувственной статьи Ш.-О. Сент-Бева в декабре 1845 года («*Revue des Deux Mondes*»), переизданием сборника повестей в 1853 году, а также многочисленными отдельными публикациями «Тараса Бульбы», пять из которых появились при жизни Виардо (1872, 1874, 1875, 1882, 1885). Еще около десяти публикаций вышли после его смерти, причем последняя — в 1978/1979 году.

Переводы во втором сборнике, изданном Виардо, подверглись очень незначительной правке, однако в нем остались только три повести из предыдущего сборника: «Записки сумасшедшего», «Старосветские помещики» и «Вий». «Тарас Бульба» был опубликован отдельным изданием в том же 1853 году (а затем много раз переиздавался), а «Коляска» исчезла вовсе. Виардо сохранил без изменений конец предисловия, в котором он объяснял, каким образом взялся за перевод, не владея русским языком. Однако на титульном листе он теперь указывал себя переводчиком, а не «публикатором».

Состав сборника 1853 года формировался, по-видимому, под влиянием рецензий двух знаменитых критиков, французского — Сент-Бева и русского — Белинского. Оба они сразу откликнулись на издание Виардо уже в 1845 году. Статью Сент-Бева Л. Виардо, несомненно, прочел сам, а рецензию Белинского ему должен был пересказать Тургенев. Авторитетные арбитры высоко оценили труд Виардо, хотя исходили из разных посылок. Французский критик ввел русского писателя в ряд хорошо известных европейскому читателю авторов и произведений. По его мнению, Гоголь, «должно быть, много читал Шекспира» («il a dû beaucoup lire Shakespeare»). В его изображении человека он подмечал «черты естественные, глубокие» («des traits naturels, profonds»), такие, «которым мы привыкли удивляться только в сценах Шекспира». «Тараса Бульбу» он представил как «запорожскую „Илиаду“» («*iliade zaporo-gue*»). По мнению Сент-Бева, в описании сражений Гоголь использовал «народные поэмы» («*chants populaires*»), он назвал его стиль «чисто эпическим» («*purement épique*») и нашел в нем изобилие «гомерических сравнений» («*et les comparaisons homériques abondent*»).¹⁹

Пафос статьи Белинского, наоборот, состоял в утверждении абсолютной самобытности Гоголя: «В нем все особенное, чисто русское; ни одну черту не напомним он иностранцу ни об одном европейском

---

¹⁹ *Revue des Deux Mondes*. 1845. Т. 12. Décembre. N 1. P. 883–889.

поэте».²⁰ Вместе с тем критика преисполняла гордость за русскую литературу, которая начинала приобретать европейское признание, и он выражал благодарность французскому переводчику «за ознакомление Европы с первым талантом современной русской литературы».²¹

Сент-Бев несколько недоумевал по поводу принципов отбора повестей для первого сборника Виардо. Он начал статью с замечания об их «разнообразии» («variété»), которое очень «затрудняет критика», а завершил ее откровенным сожалением о том, что издатели не «могли выбрать ряд пьес более однородных» («une suite plus homogène») и позволяющих «определить с самого начала главные характеры автора» («fixer tout d'abord sur les caractères généraux de l'auteur»). Эти упреки и побудили, по-видимому, Виардо изменить структуру второго сборника. В анонсе издания 1853 года Виардо избрал критерием отбора не «известность» («renommée») и «разнообразии» («variété»), а своеобычность произведений. Тремя wybranными повестями он хотел представить «точный и выразительный портрет России» («le portrait exact et frappant de la Russie»), написанный Гоголем.²²

Из всех повестей Гоголя, опубликованных во французском переводе, менее всего повезло «Коляске». Получившая одобрение многих крупных русских писателей и критиков, повесть совсем не была замечена во Франции. Стоит вспомнить, что Белинский называл ее «шуткой», «мастерской в высочайшей степени». «В ней, — писал критик, — выразилось все умение г. Гоголя схватывать эти резкие черты общества и уловлять эти оттенки, которые всякий видит каждую минуту около себя и которые доступны только для одного г. Гоголя».²³ В другой статье, точнее рецензии на четырехтомное издание сочинений Гоголя, вышедшее в 1842 году, Белинский назвал «Коляску» «мастерским юмористическим очерком, в котором больше поэтической жизни и истины, чем во многих пудах романов других наших романистов».²⁴

Сент-Бев не обмолвился ни единым словом о «Коляске», возможно потому, что эта повесть была лишена национального российского и малороссийского колорита, а изображенный в ней типичный для России

---

²⁰ Белинский В. Г. Перевод сочинений Гоголя на французский язык // Белинский. Т. 9. С. 370.

²¹ Белинский В. Г. Отзывы французских журналов о Гоголе // Там же. С. 422.

²² Gogol Nicolas. Nouvelles choisies. P. IV–V.

²³ Белинский В. Г. Несколько слов о «Современнике» // Белинский. Т. 2. С. 179–180.

²⁴ Там же. Т. 6. С. 661.

захолустный провинциальный городишко, по-видимому, не вызвал особого интереса. И, наконец, повесть не понравилась самому Л. Виардо. «Коляска не имеет никакого смысла», — говорилось в уже упоминавшемся анонсе.²⁵ Этот факт опять наводит на мысль, что выбор произведений Гоголя для перевода исходил от Тургенева.

Обратимся к анализу перевода этой повести, которая своим появлением на французском языке обязана, по-видимому, самому Тургеневу. Перевод отличается полнотой, достаточной точностью, вплоть до того, что сохраненным оказалось не очень лестное и, в сущности, несправедливое сравнение французов со свиньями, которым открывается колоритное описание запущенности, запыленности и грязи городка:

Гоголь

«...мостовую, мягкую как подушка от лежащей на четверть пыли, которая при малейшем дожде превращается в грязь, и тогда улицы городка Б. наполняются теми дождными животными, которых тамошний городничий называет французами. Выставив серьезные морды из своих ванн, они поднимают такое хрюканье, что проезжающему остается только погонять лошадей поскорее».²⁶

Тургенев

«...la rue, toute rembourrée de poussière et molle comme un coussin. A la moindre pluie, cette poussière se transforme en boue, et alors tous les passages de la ville se remplissent de ces gros animaux que le farceur de *gorodnitchi* appelle *des français*. Etalant à tous les regards leurs graves physionomies, ils poussent de tels grognements, que les voyageurs n'ont plus rien à faire qu'à lancer leur chevaux pour s'en débarrasser au plus vite».²⁷

В переводе слова «городничий» и «французы» выделены курсивом, и к первому слову дано примечание-пояснение («*chef de police*», т. е. «начальник полиции»). Тургенев позволил добавить от себя только одно слово, поясняющее появление этого грубоватого сравнения, исходящего от «*le farceur de gorodnitchi*», т. е. «шутника городничего». Любопытно, что Виардо, который несомненно читал и редактировал текст, сохранил это сравнение, что свидетельствует об уважении к Тургеневу и предоставлении ему известной свободы.

---

²⁵ Bulletin bibliographique. P. 334.

²⁶ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1938. Т. 3. С. 177. Далее — Гоголь, с указанием номера тома и страницы.

²⁷ Gogol Nicolas. Nouvelles russes. P. 250.

Тургенев довольно удачно передал и описания местных реалий: например, «низенькие мазаные домишки»²⁸ — «*petites maisonnettes en terre glaise*»;²⁹ «стены, вместо белых, сделались пегими»³⁰ — «*des murailles, qui de blanches qu'elles étaient, sont devenues toutes bigarrées*»³¹ и др.

В тех случаях, когда переводчик был не в силах передать оригинальную гоголевскую живописность, он многое пояснял в примечаниях. Нередко Тургенев прибегал к калькам, которые позволяли сохранить наиболее яркие приметы местного колорита. Слова, обозначающие необычные для французского реципиента понятия («городничий», «свайка», «телега», «дрожки», «кисель»), писались латиницей, и, как правило, объяснялись в примечаниях.

Например, к «свайке» («*la swaïka*») сделано следующее примечание: «*Jeu qui consiste à lancer un gros coin en fer de façon à ce qu'il entre dans un anneau rivé à terre*» (т. е. «игра, состоящая в метании большого железного клина в лежащее на земле кольцо»)³². Однако «кисель», не имеющий аналога во французской кухне, получил не вполне адекватное толкование, превратившись в «жидкую кашу» — «*boullie*».³³

Многие русские реалии объяснялись по аналогии с уже известным. Например, «белуга» — «большой осетр» («*grand esturgeon*»),³⁴ а «четырехместный бонвоаж» — «французское название русского экипажа» («*nom français d'une voiture russe*»)³⁵.

Некоторые русские слова во французской орфографии претерпевали трансформацию: например, «стерлядь» превратилась в «*sterlettes*», получив, в свою очередь, следующее пояснение: «*Poisson qui ne se trouve qu'en Russie*» («Рыба, которая встречается только в России»)³⁶. Получили объяснение и межъязыковые культурологические лакуны, например употребление глагола «изволить» при переводе фразы Чертокуцкого, обращенной к генералу: «И давно, ваше превосходительство, пуф, пуф, изволите иметь ее?»³⁷. В примечании указывалось: «В России, когда

---

²⁸ Гоголь. Т. 3. С. 177.

²⁹ Gogol Nicolas. Nouvelles russes. P. 249.

³⁰ Гоголь. Т. 3. С. 177.

³¹ Gogol Nicolas. Nouvelles russes. P. 249.

³² Ibid. P. 251.

³³ Ibid. P. 252.

³⁴ Ibid. P. 254.

³⁵ Ibid. P. 262.

³⁶ Ibid. P. 254.

³⁷ Гоголь. Т. 3. С. 181.

подчиненный говорит о действиях своего начальника, он всегда добавляет глагол „изволить“, который приблизительно означает „соизволить“ („снизойти“). Приходилось слышать от слуг, что их хозяин *изволил умереть*».³⁸

Принцип возмещения неизбежной утраты живописности и художественности гоголевского языка в переводе за счет примечаний и комментариев сохранялся и в текстах других повестей. При этом в сборнике 1853 года их количество значительно увеличилось. Подобный метод восполнения языковых и культурологических лакун был единственно правильным как в XIX веке, так и в настоящее время.

Вместе с тем в переводе Тургенева значительно облегчен синтаксис: сложные предложения с многочисленными однородными членами или придаточными предложениями, как правило, распадаются на несколько простых. И лишь едва ли в принципе переводимое ласкательное обращение жены Чертокуцкого, пытающейся его разбудить («пульпультик»), исчезло в переводе совсем.

Гоголь является первым русским писателем, который с необыкновенной художественной выразительностью органично соединял в одном произведении разные виды комического и сатирического, высокого и обыденного, героического и низменного. Для французских современников Гоголя эта черта его поэтики была не вполне привычной и понятной, о чем свидетельствуют отклики на ранний перевод его избранных повестей. Тургеневу удалось передать это главное свойство гоголевской поэтики, хотя отобраны для перевода были достаточно сложные вещи, отражающие движение Гоголя от гармонической мироконцепции к драматическому и трагическому мировидению.

В повести «Вий» комическое начало (ирония, комизм ситуаций и характеров) органично соединяется с мистикой, ужасом и фантастикой. При этом в произведении исчезает амбивалентность народной смеховой культуры, синтезирующей высокое и низкое. Ничего возвышенного в описываемой повседневности бурсаков здесь уже нет. Это комизм пошлой жизни современного человека, утратившего всякие признаки героического и духовного, поэтому смех Гоголя приобретает здесь грустные оттенки. В переводе Тургенева («Le Roi des gnomes») полно и детально воспроизведено то, что можно назвать бурлеском.

Сравним описание традиционного утра семинаристов:

---

³⁸ *Gogol Nicolas. Nouvelles russes. P. 255.*

Гоголь

«Как только ударял в Киеве поутру довольно звонкий семинарский колокол, висевший у ворот Братского монастыря, то уже со всего города спешили толпами школьники и бурсаки. <...> карманы их вечно были наполнены всякою дрянью, <...> даже и маленькими воробьянками, из которых один, вдруг чиликнув среди необыкновенной тишины в классе, доставлял своему патрону порядочные пали в обе руки, а иногда и вишневые розги».³⁹

Тургенев достаточно точно и колоритно воспроизвел атмосферу рынка. Хотя в переводе исчезли некоторые детали, связанные с просторечным говором (едва ли вообще переводимые на французский язык), но сохранена яркая театральность отдельных комических сценок, например зазывания торговков:

Гоголь

«Рынок в это время обыкновенно только что начинал шевелиться, и торговки с бубликами, булками, арбузными семечками и маковниками дергали на подхват за полы тех, у которых полы были из тонкого сукна или какой-нибудь бумажной материи. „Паничи! паничи! сюды! сюды!“ говорили они со всех сторон: „Ось бублики, маковники, вертычки, буханци хороши! ей богу, хороши! на меду! сама пекла!“ Другая, подняв что-то длинное, скрученное из теста,

Тургенев

«Dès que la cloche du séminaire qui était pendue devant la porte du couvent des Frères, à Kiew, se mettait en branle, on voyait arriver de toutes les parties de la ville des groupes d'écoliers. <...> leurs poches étaient toujours remplies de mille brimborions <...> et dans la saison, de jeunes moineaux dont le cri, indiscrètement poussé dans la classe, attirait quelquefois sur leur possesseur des coups de férule ou même les étrivières».⁴⁰

Тургенев

«Vers l'heure des classes, la place publique commençait d'ordinaire à se remplir, et les marchandes de petits pains, de gâteaux, de graines de pastèques, de pâtés pétris avec du miel et de la graine de pavots, arrêtaient par le pan de l'habit ceux dont les caftans étaient faits de drap ou de coton:

— Messieurs, ici, ici, criaient-elles de tous côtés; voici des petits pains, voici des gâteaux de miel. Ils sont bons, très bons, j'en prends Dieu à témoin; je les ai faits moi-même.

³⁹ Гоголь. Т. 2. С. 177.

⁴⁰ Gogol Nicolas. Nouvelles russes. P. 269–270.

кричала: „Ось сусулька! паничи, купите сусульку!“». ⁴¹

Une autre criait, en soulevant quelque chose de long et de tordu: — Voici un saucisson, messieurs; achetez un saucisson». ⁴²

Хотя гоголевская «сусулька», скрученная из теста, превращается в «колбасу», торговки, хватающие за полы прохожих, зазывающие покупателей, предстали в переводе колоритными фигурами рыночного балагана. Иногда в переводе Тургенева прояснялся комизм отдельных ситуаций. Например, вместо того чтобы просто перечислить разнообразную снедь, торчащую из карманов бурсаков, он (возможно, по подсказке Виардо), адресуясь к французским читателям, разъяснял причину интереса к ней «авдиторов», желающих поживиться за счет своих подопечных:

Гоголь

«Авдиторы, слушая урок, смотрели одним глазом под скамью, где из кармана подчиненного бурсака выглядывала булка, или вареник, или семена из тыкв». ⁴³

Тургенев

«Les répétiteurs, tout en écoutant les leçons, regardaient d'un œil par-dessous le banc pour voir s'il ne se trouvait pas dans la poche de leurs écoliers quelques friandise dont ils pussent faire leur profit». ⁴⁴

В целом, при неизбежных потерях, возникающих при переводе, в нем воссоздавалась атмосфера площадного, народного смеха Гоголя, изображавшего культ «низа», плоти, обжорства в бурсе почти в раблезианском духе, но скорее с грустной усмешкой, чем с любованием:

Гоголь

«...так что сосчитать, сколько каждый из них уписывал за вечерю галушек, было бы совершенно невозможное дело <...>». ⁴⁵

Тургенев

«...il serait tout à fait impossible de compter combien chacun d'eux mangeait de *galouchkis* à son souper <...>». ⁴⁶

---

⁴¹ Гоголь. Т. 2. С. 178.

⁴² *Gogol Nicolas*. Nouvelles russes. P. 270–271.

⁴³ Гоголь. Т. 2. С. 178.

⁴⁴ *Gogol Nicolas*. Nouvelles russes. P. 271. Приводим подстрочный перевод: «Репетиторы, слушая уроки, одним глазом смотрели под скамью, чтобы увидеть, нет ли в кармане их учеников какого-нибудь лакомства, которым они могли бы поживиться». — О. К.

⁴⁵ Гоголь. Т. 2. С. 179.

⁴⁶ *Gogol Nicolas*. Nouvelles russes. P. 273.

В этом фрагменте значение слова «галушки» пояснялось в специальном примечании как «*petits pâtés de farine qu'on mange trempés dans du lait, du beurre ou du miel*» («маленькие пирожки из муки, которые едят, обмакивая в молоке, масле или меде»). При этом Тургенев опустил при переводе (возможно, из цензурных соображений) некоторые натуралистические и физиологические подробности обжорства, например: «Сенаторы столько объедались арбузов и дынь, что на другой день аудиторы слышали от них вместо одного два урока: один происходил из уст, другой ворчал в сенаторском желудке».⁴⁷ В то же время при характеристике Хома Брута совершенно ясно, что плотское начало настолько вытеснило все духовное, нравственное, что он не чувствует никакой опасности, легкомысленно относясь к надвигающемуся на него злу.

Хома Брут — один из многих людей толпы, он не лучше и не хуже большинства. Все страхи, пережитые им ночью в церкви, наедине с встающей из гроба ведьмой, рассеиваются и забываются днем, когда он много ест («съел почти один довольно старого поросенка»;⁴⁸ «*il mangea presque à lui seul un assez grand cochon de lait*»⁴⁹), много пьет горилки, пляшет тропака, щупает «одну смазливую молодку». Но главное, он прислушивается к разговорам толпы, где профанные персонажи переводят страшное, ужасное в комический план. И все эти компоненты особого смеха Гоголя с примесью горечи удачно переданы в переводе:

Гоголь

— А что, дядько, — сказал молодой овчар с пуговицами, — можно ли узнать по каким-нибудь приметам ведьму?

— Нельзя, — отвечал Дорош. — Никак не узнаешь <...>.

— Можно, можно, Дорош. Не говори этого, — произнес прежний утешитель. — Уже бог недаром дал всякому особый обычай. Люди знающие науку, говорят, что у ведьмы есть маленький хвостик.

Тургенев

— Ecoute, mon oncle, dit le jeune berger aux boutons, est-il possible de reconnaître une sorcière à une marque quelconque?

— C'est impossible, répondit Doroch, tout-à-fait impossible <...>.

— C'est possible, c'est possible, Doroch, ne dis pas cela, répliqua le consolateur. Ce n'est pas en vain que Dieu a arrangé chacun à sa guise; les gens de science disent que toute sorcière a une petite queue.

⁴⁷ Гоголь. Т. 2. С. 180.

⁴⁸ Там же. С. 209.

⁴⁹ *Gogol Nicolas. Nouvelles russes. P. 311.*

— Когда старая баба, то и ведьма, — Toute vieille femme est une sorcière! dit gravement un vieux Cosaque.⁵¹
— сказал хладнокровно седой козак.⁵⁰

Если для профанного сознания ведьма — всякая состарившаяся женщина, а в общепринятой патриархальной иерархии мужчина всегда доминирует над женщиной, то не столь она и страшна. Эта самонадеянность, даже глупость заурядного человека и становится причиной его гибели.

В переводе «Вия» еще больше пояснений и примечаний, чем в переводе «Коляски». При этом многие украинизмы, вульгаризмы и историзмы переданы литературным языком: «онучи» — «une paire de bas» («пара чулок»); «жинко» — «une femme» («женщина»); «школяры», «бурсаки» — «les étudiants» («студенты»); «паляница» — «pain de seigle» («ржаной хлеб»); «вареник» — «gâteau» («сладкий пирог»); «хутор» — «village» («деревня»); «чарка горелки» — «un verre d'eau-de-vie» («стакан водки»); «шаровары» — «pantalon»; «корчма» — «cabaret» («кабачок»); «жид-корчмарь» — «juif cabaretier» («еврей-кабатчик»); «именитый сотник» — «un riche seigneur» («богатый господин», «помещик»); «мой голубе» — «mon ami» («друг мой»); «пан» — «maître» («господин», «владыка»); «свитки из тонкого сукна» — «caftans de drap fin» («кафтаны из тонкого сукна»).

При переводе повестей Гоголя Тургенев (как и другие переводчики) столкнулся с явлением, которое в современной науке межкультурной коммуникации получило название лакунарности, т. е. отсутствия эквивалента в виде слова слову в другом языке. Возникла трудность восполнения как языковых (лексических, стилистических), так и культурологических (этнографических, национально-психологических, поведенческих) лакун. Но в целом Тургенев (несомненно, при участии Виардо, который хорошо представлял особенности восприятия французского читателя) с честью справился с возникшими проблемами.

Можно утверждать, что многие русские современники Тургенева (в том числе и Достоевский⁵²) были к нему несправедливы, ругая за переводы повестей Гоголя. Все недостатки этого переводческого труда имели историческую обусловленность, но и по ним угадывался писатель со сложной поэтикой, многослойной картиной мира, неординарным взглядом на человека. И все это не могло не пробудить во Франции интереса к Гоголю, а затем и к другим русским писателям с их инаковостью и непохожестью на европейских литераторов.

---

⁵⁰ Гоголь. Т. 2. С. 201–202.

⁵¹ Gogol Nicolas. Nouvelles russes. P. 301–302.

⁵² Достоевский. Т. 21. С. 68.